

такой двойной взаимообусловленности литературного процесса необходимы не только с точки зрения теоретической, но и с чисто прикладной — чтобы избежать возникающих порой рецидивов как «голового» компаративизма, так и вульгарной социологизации.

Можно с уверенностью объяснить некоторые недостатки московского сборника тем, что исследуемая в нем проблема находится в стадии разработки, когда действуют факторы риска.

Однако кое-какие перекосы вызваны другими, непонятными причинами. Не соответствует истине утверждение, что первая буржуазная революция произошла в Англии (стр. 21). Не может вызвать сочувствие попытка причислить Марка Твена к западноевропейским писателям (стр. 48). Было бы упрощением считать, что у

Шекспира жизнь — «царство, где правит случай» (стр. 188). Но есть некоторые основания отметить, что кое-где «правит случай» в самом сборнике. Так, например, ни одна из статей, помещенных в нем, не находится в тех пределах, которые указаны оглавлением. Кроме того, статьи В. Хализева и В. Тюпы непостижимым образом «взаимопроникают», так как небрежно сброшюрованы.

...Литературный процесс, как видим, не только комплексное, многостороннее понятие, постигаемое коллективами ученых. В силу своей сложности он как бы демонстрирует известную «неподатливость» описанию. Поэтому надо отдать должное авторам сборника, настойчиво исследующим литературный процесс как целое и отдельные его компоненты.

И. ДУБАШИНСКИЙ

г. Даугавпилс

«СОХРАНЯЕТ ТРАДИЦИОННУЮ СТРУКТУРУ...» *

Слова, послужившие заглавием этих заметок, обыкновенно содержатся в редакционных предисловиях к ежегодным выпускам «Временника Пушкинской комиссии».

* «Временник Пушкинской комиссии. 1974», Л., «Наука», 1977, 188 с.; «Временник Пушкинской комиссии. 1975», Л., «Наука», 1979, 160 с.; «Временник Пушкинской комиссии. 1976», Л., «Наука», 1979, 184 с.; «Временник Пушкинской комиссии. 1977», Л., «Наука», 1980, 160 с.; «Временник Пушкинской комиссии. 1978», Л., «Наука», 1981, 168 с.

«Временник» — явление уникальное в нашем литературоведении: это периодическое издание — представитель особой науки в науке, науки, изучающей творчество одного писателя — Пушкина.

Задачи этого издания были четко определены еще в самом первом выпуске серии: «Временник» «стремится всесторонне периодически отражать развитие пушкиноведения в Советском Союзе и за

Присуща ли системность литературному развитию? Г. Пономев не принимает концепцию И. Неупомоевой¹, согласно которой всемирная литература представляет собой единую макросистему, состоящую из взаимодействующих систем и микросистем. Такой взгляд на литературное развитие не учитывает роли случайности (например, наличие или отсутствие одаренных художников), не принимает во внимание то, что некоторые закономерности литературного процесса носят не столько действенный, сколько потенциальный характер. Поэтому вполне трезво и обоснованно звучит призыв автора: «Будем хотя бы приблизительно проследить через «миллионы» вполне реальных случайностей «красную нить» закономерностей, приходя таким путем к установлению литературно-художественных «систем» в весьма относительном значении этого слова» (стр. 34). Вспомним, что М. Храпченко² распространил понятие «система» на отдельные произведения, на творчество писателя и литературное направление. Развивая эту установку, И. Волков («Художественная система как форма исторического развития литературы») отыскивает тот

¹ См. ее книгу «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа», М., «Наука», 1976.

² В статье «Размышления о системном анализе литературы» («Вопросы литературы», 1975, № 3).

главный компонент, который цементирует систему. Он считает, что это метод, который определяет «самые общие особенности содержания, а следовательно, и формы всей художественной системы» (стр. 53). Но эта формулировка не нашла конкретизации и выглядит даже как-то противопоставленной совсем другому, вызывающему возражения определению: «...Метод определяет структуру художественного содержания, стиль — структуру художественной формы» (стр. 52). Автор вступил в спор с самим собой.

И в ленинградском, и в теперешнем московском сборниках ставится вопрос о методологии исследования процессов развития мировой литературы. В первом из названных изданий А. Иезуитов и ныне — В. Тюпа настаивают на том, что, с одной стороны, закономерности литературного процесса могут быть научно осмыслены только при условии, что будет установлено, каким образом они вытекают из социально-исторической почвы и законов социального развития. С другой же стороны, «в ленинской методологии, — писал А. Иезуитов, — вопрос о «вне-литературной» обусловленности историко-литературного процесса был тесно связан с вопросом о его внутренних закономерностях развития»¹. Понимание и постоянный «учет»

¹ «Историко-литературный процесс», с 47

рубежом. Во «Временнике» будут по возможности широко освещаться не только деятельность самой комиссии, но все сколько-нибудь значительные события в области изучения жизни и творчества Пушкина или отражения их в литературе, искусстве или культурной жизни. «Временник» будет периодически оповещать о находках новых рукописей поэта, о новых работах о нем, обо всем, что связано с его именем, помещая предварительные публикации рукописных материалов или небольшие заметки исследовательского характера, обзоры и хроникальные данные»¹.

Традиционная структура «Временника», сохраняющаяся на протяжении многих лет, — своеобразный формальный эквивалент того филологического традиционализма, вне которого пушкинистика невозможна. Ибо традиционализм в литературоведении, если он не есть следствие беспомощности литературоведа, прилагающего готовые мерки чужих концепций к предмету своей работы и повторяющего суждения предшественников, служит надежной опорой всякого исследовательского труда. Это — внимание к научным традициям, позволяющее не повторять сказанного и не открывать открытого. Без профессионального традициона-

лизма невозможна разработка новых путей изучения той или иной проблемы в литературоведении.

Из русских писателей Пушкин, наверное, чаще всех оказывался в роли объекта индивидуальных концепций и субъективных интерпретаций. Логично, что его творчество невольно рассматривалось и рассматривается с учетом развития русской литературы второй половины XIX и XX века. Пушкин, воспринятый сквозь призму послепушкинской литературы, «мой Пушкин», «наш Пушкин», был главным героем многих литературно-критических, философских, поэтических штудий. Модернизация Пушкина и приспособление проблематики и поэтики его произведений к вопросам «сегодняшнего» дня начались вскоре после смерти поэта, и его творчество, трактуемое в плане «чистой» поэтики или «чистой» проблематики, породило обширную литературу — от Писарева и Достоевского до Марины Цветаевой и современных интерпретаторов пушкинской поэзии и прозы.

Но есть другой принцип в исследовании Пушкина. Связан он с работой над пушкинскими рукописями, с датировкой и атрибуцией текстов, с вопросами об источниках и реминисценциях, с фактами биографии поэта и проявляется, когда исследователь имеет дело не с Пушкиным вообще,

¹ «Временник Пушкинской комиссии. 1962», М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, с. 7.

а с Пушкиным первой трети XIX столетия, с Пушкиным, изучаемым в контексте его времени.

Пушкинистика, оперирующая фактами и документами и опирающаяся на принципы конкретно-исторического изучения литературных текстов, представлена во «Временнике Пушкинской комиссии». Отказ от «моего Пушкина» в пользу «Пушкина как такового», стремление прочитать Пушкина не только самобитно, но и адекватно требуют от исследователя сознательного самоограничения и профессионализма в подходе к материалу. Так же как, не умея разбирать почерка Пушкина, невозможно прочитать рукописи, написанные его рукой, так и не зная фактической (историко-культурной, литературной, бытовой и т. д.) подоплеку его произведений, нельзя эти произведения верно понять.

«Установка на факты» определена уже в самих «безличных» и объективированных названиях традиционных разделов «Временника»: I. Материалы и сообщения; II. Обзоры; III. Мелкие заметки (в двух последних «Временниках» этот раздел озаглавлен: Заметки); IV. Хроника. Своеобразную «безличность» можно усмотреть и в самих статьях, помещенных во «Временнике». «Безличность» — в установке на научную истину, в самом типе анализа материала, в том, что авторы уклоня-

ются от оперирования предвзятыми оценками и субъективными впечатлениями, подвергая собственное мнение контролю документа и факта.

Центральное место в первом разделе занимает публикация новых материалов. «Сам жанр — публикация неизданного — требует от публикатора точности и эрудиции. Авторы «объяснительных записок» к новым материалам, как правило, лаконичны, их комментарии предельно информативны. Их собственная речь подчинена материалу и служит ему сжатым историко-культурным комментарием.

В первом разделе «Временников» за 1974—1978 годы помещено, правда, лишь одно сообщение, касающееся непосредственно творчества Пушкина, — статья Р. Терехениной, в которой исследовательница впервые публикует неизвестные до сего времени записи рукой Пушкина стихотворений «Твой и Мой» и «Экспромт на А. <Гареву>» («Временник. 1974»). Следует заметить, что и в предшествовавших выпусках Р. Терехенина также помещала статьи, посвященные публикации и анализу пушкинских автографов¹.

Остальные материалы раздела — это письма и мемуарные свидетельства о Пушкине

¹ Р. Терехенина, Автограф послания Пушкина к З. А. Волконской и его история («Временник. 1972»); Р. Терехенина, Неизвестная запись Пушкина к «Слову о полку Игореве» («Временник. 1973»).

его современников; отклики на смерть Пушкина; отзывы о Пушкине во второй половине XIX века; новые данные о знакомых поэта. Обращают на себя внимание публикации И. Ямпольского «Неизданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине» («Временник. 1975»), В. Вацуро «Из неизданных откликов на смерть Пушкина» («Временник. 1976»), А. Глассе «Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского посольства» («Временник. 1977»), сообщения Л. Аринштейна «Одесский собеседник Пушкина» и А. Эфроса «Портрет Пушкина, рисованный К. Н. Батюшковым» («Временник. 1975») и «Временник. 1976»).

Другой тип статей, помещенных в первом разделе, связан с историко-литературным объяснением пушкинских текстов, с анализом истории создания отдельных произведений; с уточнением их датировки, с определением источников (см. статьи В. Вацуро «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург» — «Временник. 1974» и «К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» — «Временник. 1978»; С. Фомичева «К творческой истории поэмы «Домик в Коломне» — «Временник. 1977» и «Подражания Корану» Гензля, архитектоника и композиция цикла» — «Временник. 1978»; Р. Иззунтовой «Стихо-

творение Пушклина «Исем красны боярские конюшни» как опыт создания «простонародной» баллады — «Временник. 1975»; Н. Петруниной «К творческой истории романа «Дубровский»; Р. Гороховой «Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс» — «Временник. 1976»).

Замечено, что 1970-е годы — время повышенного интереса к конкретно-историческому анализу, к «археологическому» литературоведению, к литературоведению «конкретному». Особое значение приобретает установление «маленьких» истин в частных случаях: в вопросах об источниках, датировке, атрибуции и т. п. «Маленькие» истины — основа всякого серьезного открытия, выходящего в широкий круг проблем. Во «Временнике» нет статей, претендующих на то, чтобы перевернуть имеющееся представление о Пушкине в целом (да и вряд ли это возможно в пределах историко-литературного подходе). Пушкинистика — «цеговая» наука, и потому специфическую роль играет в статьях «Временника» «история вопроса». Ибо не только произведения Пушкина, но и отдельные его фразы, черновые пометы и т. п. имеют свою историю изучения. Поэтому новое в статьях «Временника» утверждается с учетом уже сделанной пушкинистами старших поколений работы. Отличным подтверждением тому служат статьи

В. Вацура, комментирующая реплику Пушкина о «великом меланхолике» в «Путешествии из Москвы в Петербург» («Временник. 1974»). В этой работе развитие мысли В. Гишпиуса ведет к анализу интереснейшей проблемы «конструирования» Гоголем в 40-е годы собственной личности по модели характера Пушкина: «В собственных глазах Гоголь превратился в «великого меланхолика» с «редкими минутами веселости». Он воспроизводил схему характера Пушкина — ту самую, которую набросал когда-то Пушкин в неизвестных Гоголю черновиках главы «Москва...» («Временник. 1974», стр. 63).

Уважение к научной традиции — отличительная черта большинства статей «Временника». Так, в работе Л. Аринштейна «Одесский собеседник Пушкина» («Временник. 1975») содержатся новые, весьма интересные сведения о докторе-англичанине У. Хатчинсоне — том «умном афее», взглядами которого живо интересовался Пушкин. При этом Л. Аринштейн не забывает сослаться на труды своих предшественников, собравших материал к биографии «умного афея».

Внимание к «истории вопроса» диктует и сама эта история. Всем известная стихотворная фраза «И я бы мог, как шут», расположенная в одной из пушкинских тетрадей рядом с рисунками, изображающими казнь декабри-

стов, не однажды интерпретировалась пушкинистами, каждый из которых стремился домыслить и истолковать эти слова (С. Венгеров, Д. Благой, А. Эфрос, М. Цявловский, Т. Цявловская). Предполагалось: Пушкин считал, что он мог быть также повешен вместе с декабристами. Л. Лотман в статье, так и озаглавленной: «И я бы мог, как шут <...>» («Временник. 1978»), оспаривает подобную интерпретацию. Она исследует материалы, относящиеся к последнему периоду пребывания Пушкина в Михайловском в 1826 году, и привлекает к анализу перевод романа В. Скотта «Айвенго», вышедший в Петербурге в 1826 году под названием «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов». Книга эта была приобретена Пушкиным, и на ней сохранились его рисунки (в том числе и рисунок виселицы). На основе сопоставления фактов Л. Лотман выдвигает следующую гипотезу: пушкинская строфа содержит намек на шуту из романа В. Скотта, «вступившего в неожиданно прямой контакт с самодержцем, говорившего с ним о логике поведения его непокорных подданных и намекавшего на милость к ним» («Временник. 1978», стр. 55).

Своеобразным методологическим центром служат «Заметки на полях» («Временник», 1973, 1974, 1976) покойного редактора всех вышедших к настоящему моменту «Временни-

ков» Михаила Павловича Алексеева. «Заметки на полях» во «Временнике» на 1976 год («К «Сцене из Фауста» Пушкина»; «Пушкин и французская народная книга о Фаусте») почти целиком посвящены «истории вопроса» и представляют замечательный пример как научно обоснованной полемики с коллегами по пушкиноведческому «цеху», так и уважительного внимания ко всему имеющему ценность в трудах других ученых.

Специальный раздел «Временника» отведен для «Мелких заметок». Короткие статьи, публикуемые здесь, фрагментарны, они не претендуют на обобщающие выводы, являя собой скорее мозаику попутных наблюдений (см. статьи Д. Шарыпкина «Пиковая дама» и повесть Мармонтеля «Окно»; С. Азбелева «Пушкин и «побоище Мамаево» — «Временник, 1974»; П. Заборова «Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г.» — «Временник, 1975»; Л. Фризмана «К заметке Пушкина «Об Андре Шенье»; А. Формозова «Заметки о Пушкине (комментарий археолога)» — «Временник, 1976»; П. Филатова «Заметки краеведа о «Капитанской дочке» — «Временник, 1977»).

В «Мелких заметках» «Временника» отчетливо сказывается одна черта современной пушкинистики, которую можно было бы определить как «дополнительность». Пушкини-

ст в настоящее время не столько открывает нечто принципиально новое, сколько до-сказывает недоговоренное предшественниками, комментирует непрокомментированное, указывает на не замеченное прежде.

«Дополнения» в разделе «Мелкие заметки» — это по преимуществу фиксация неучтенных фактов: Ю. Левин указывает на незамечавшуюся до сих пор параллель между изображением гробовщика в одноименной повести Пушкина и в «Записках Пиквикского клуба» Диккенса («Временник, 1974»), В. Вацуро приводит оставленные без внимания отзывы о Пушкине в письмах его современника П. П. Татаринова к Н. И. Бахтину («Временник, 1975»), Ю. Лотман комментирует лицейское прозвание Пушкина «смесь обезьяны с тигром» («Временник, 1976»), отмечает реминисценции из Данте в послании к В. Л. Давыдову и в «Медном всаднике» («Временник, 1977»), П. Заборов обращает внимание на не замеченный в пушкиноведении эпизод полемики вокруг Пушкина во Франции конца 1830-х годов («Временник, 1975»).

Принципы конкретного историко-литературного анализа отнюдь не исключают появления во «Временнике» заметок, предлагающих заведомо гипотетические толкования фактов. Но в тех случаях, когда догадки имеют лишь предпо-

ложительный характер, авторы статей и не настаивают на их неопровержимости, а представляют свои соображения как гипотезы, остающиеся, по выражению одного из авторов, «в рамках приблизительности и предположения» и основанные на «дополнительных соображениях относительно датировки, цели, повода, происхождения и содержания» пушкинских текстов («Временник. 1975», стр. 117).

Примечательна в этом отношении заметка Н. Зубкова «О возможных источниках эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану». В ней автор предлагает считать одним из источников эпиграфа к поэме строку из стихотворения современника Пушкина поэта В. Филимонова «К друзьям отдаленным»: «Друзей — иных уж нет, другие — в отдаленьи». Но при этом Н. Зубков подчеркивает, что «гипотеза о стихотворении Филимонова как об одном из прямых источников пушкинского эпиграфа вряд ли может быть строго доказана, как и большинство, впрочем, гипотез подобного рода», («Временник. 1978», стр. 111).

Благодаря ежегодно публикуемым в разделе «Обзоры» спискам литературоведческих работ о Пушкине, появившихся в текущем году (составитель В. Зайцева), «Временник» имеет безусловную библиографическую ценность. Жаль только, что пушкинианы «Вре-

менника» публикуются без соответствующих именных и предметных указателей (аналогичное сожаление можно высказать и по поводу самих сборников в целом). Жаль также, что рецензии на работы о Пушкине, регулярно появлявшиеся в первых выпусках «Временника» (1963, 1964, 1965), сейчас печатаются крайне редко.

Раздел «Хроника» отведен для заметок, информирующих о работе пушкинских музеев, об открытии новых памятников Пушкину, о праздновании пушкинских юбилеев.

В шестнадцатом выпуске («Временник. 1978») помещен указатель статей всех предыдущих сборников серии.

Несмотря на то что «Временник», а также другой, не периодический, орган — «Пушкин. Материалы и исследования» (к настоящему времени вышло девять томов этого издания) выполняют важные задачи конкретно-исторического исследования творчества Пушкина, в области пушкиноведения существуют некоторые нерешенные проблемы, постановка и разработка которых чрезвычайно уместна именно на страницах специального органа.

Одной из неотложных и первоочередных задач является подготовка нового академического собрания сочинений Пушкина. В принципе материалы, сообщения, обзоры, мелкие заметки «Временника»

так или иначе выполняют необходимую черновую работу, без которой немислима подготовка научного комментария к пушкинским текстам. Но в настоящее время сложилась достаточно парадоксальная ситуация.

В распоряжении читателей имеется великолепно изданное академическое издание Полного собрания сочинений Пушкина (1937—1949) в 16-ти томах, однако издание это снабжено только источниковедческими примечаниями; некоторые из томов были выпущены крайне малым тиражом (7—8 тысяч экземпляров), отчего издание уже давно является библиографической редкостью; из ряда томов ввиду сокращения объема издания была изъята часть материалов. На эти и

другие недостатки большого академического издания неоднократно указывали многие ученые (Б. Мейлах, С. Бонди, Н. Измайлов и др.).

Другие наиболее полные собрания сочинений Пушкина — «малые» академические десятитомники и Собрание сочинений в 10-ти томах, выпускавшееся издательством «Художественная литература», — при их очевидных достоинствах не могут восполнить существующие пробелы: варианты пушкинских текстов публикуются здесь крайне выборочно, комментарии чрезвычайно сжаты.

Вероятно, в связи с будущей подготовкой нового «большого» академического издания значительную роль может сыграть и «Временник Пушкинской комиссии».

А. ПЕСКОВ

ДЕЛО И СЛОВО НЕКРАСОВА*

Первые попытки подойти к научному изучению биографии Некрасова относятся к 1920— началу 1930-х годов. Именно в ту пору были изданы книги И. Розанова «Некрасов. Жизнь и судьба» (1924), В. Евгеньева-Максимова «Некрасов как человек, журналист и поэт» (1928), «Некрасовский сборник», выпущенный к 100-летию со дня рождения поэта (Ярославль, 1922), и др. Тогда же было опубликовано мно-

жество статей, характеризующих различные аспекты личности поэта, его жизни и деятельности. Однако научная биография поэта появилась значительно позднее: три тома монументального труда В. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» вышли в свет в 1947—1952 годах. Пожалуй, этот труд и положил начало подлинно научному изучению биографии Некрасова.

Книга В. Евгеньева-Максимова была так обстоятельна, так научно документирована, ок-

* В. Жданов, Жизнь Некрасова, М., «Художественная литература», 1981, 239 с.